

«Адыгея», 2003. – 28 с.

Бекизова Л.А. Литература в потоке времени / Л.А. Бекизова. – Черкесск : РГУ, 2008. – 56 с.

Беседина Е.П. Путь к большому эпическому жанру / Е.П. Беседина. – Майкоп: Адыг. нац. изд-во, 1967. – 45 с.

Бузаров К. Сафербий Сиюхов – адыгский просветитель / К. Бузаров, Аз. Бузаров. – Майкоп : ГУРИПП «Адыгея», 1996. – 138 с.

Голубева Л.Г. Из истории просветительства на Северном Кавказе во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Голубева. – М. : [б.и.], 1965. – 25 с.

Налоев З. Этюды по истории культуры адыгов / З. Налоев. – Нальчик : Эльбрус, 1985. – 46 с.

Саськова Т.В. Образ Кавказа в русской литературе / Т.В. Саськова // Советская литература и Кавказ. – Грозный, 1991. – С. 102-105.

Схалыхо А.А. Писатели-публицисты конца XIX – начала XX вв. / А.А. Схалыхо // История адыгейской литературы : в 2 т. – Т. I. – Майкоп, 1999. – С. 26-38.

Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов / Ю.М. Тхагазитов. – Нальчик : Эльбрус, 1996. – 128 с.

Шиков К.М. Закономерности развития русскоязычной адыгейской литературы XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К.М. Шиков. – Нальчик : [б.и.], 1996. – 20 с.

ЛЮБОВЬ К РУСАЛКЕ КАК МОТИВ ПУШКИНСКОЙ ЛИРИКИ

Л.П. Чеметева

*Научный руководитель: А.Х. Гольденберг,
доктор филологических наук, профессор (ВГУ)*

Мифологический образ русалки получил широкое распространение в романтической литературе. Не раз обращался к нему в своем творчестве и А.С. Пушкин. Если драма «Русалка» и баллада «Яныш королевич», главной героиней которых является русалка, достаточно изучены пушкинистами, то к стихотворениям «Русалка» и «Как счастлив я, когда могу покинуть...» обращались сравнительно редко. К тому же в этих исследованиях отсутствует сопоставление пушкинских героинь с их фольклорными первообразами. Оба стихотворения связывает основной сюжетный мотив – любовь человека к русалке.

Пушкин близок к славянскому фольклору, но его русалка представлена в лирике поэта двумя контрастными образами. В стихотворении «Русалка», которое можно рассматривать как пародию на романтические сюжеты, близость к фольклорному образу подчеркнута и травестирована. Во втором стихотворении создается тонкий и неоднозначный лирический образ мертвой возлюбленной.

В основе стихотворения «Русалка» лежит весьма распространенный в романтической литературе сюжет: завлечение мужчины русалкой и

искушение служителя церкви. Пушкин создает довольно едкую пародию на него.

В чем же тут пародия? Во-первых, в качестве любовного героя выбран старец, а не молодой красавец, как это было в фольклоре и романтических текстах. Благочестивый старец готовится к смерти:

Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл [Пушкин 1986: 203].

Самое время задуматься о спасении души, что он и делает в начале стихотворения. Однако «красы» русалки довольно легко сбивают его с толку.

Само описание русалки контрастно: поэтическое сравнение «бела, как ранний снег холмов» дается в сочетании с достаточно бытовым «женщина нагая». Сцена заманивания также лишена романтического налета, дано нейтральное описание ее действий:

Глядит на старого монаха
И чешет влажные волосы [Пушкин 1986: 204].

И дальше:

Она манит его рукой,
Кивает быстро головой [Пушкин 1986: 204].

Заметим, что употреблен не литературный глагол «расчесывает», а грубое, просторечное «чешет» в сочетании с книжным старославянизмом «власы». Но вот обязательного для литературного образа русалки чарующего голоса тут нет. Правда, через мгновение возвращается высокий поэтический стиль: водная дева сравнивается с «падучей звездой».

И вдруг – падучею звездою –
Под сонной скрылася волной [Пушкин 1986: 204].

Описание поведения пушкинской русалки соответствует ее фольклорному первообразу. Вот, казалось бы, типичное описание соблазнения этими мифологическими существами мужчин:

Глядит, кивает головою
Целует из дали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет Монаха, нежно стонет...
«Монах, Монах! Ко мне, ко мне!...» [Пушкин 1986: 204]

Однако речь русалки пародирует язык романтической страсти и в контексте данного стихотворения (или, по пометке Пушкина, баллады) приобретает сниженную окраску.

Сцена исчезновения монаха носит сатирический характер. Два дня

боролся монах с искушением, на третий день поддался ему и, судя по всему, стал утопленником:

На третий день отшельник страстный
 Близ очарованных берегов
 Сидел и девы ждал прекрасной,
 А тень ложилась средь дубров...
 Заря прогнала тьму ночную:
 Монаха не нашли нигде,
 И только бороду седую
 Мальчишки видели в воде [Пушкин 1986: 205].

Образ монаха у Пушкина комически двоится; в начале стихотворения это дряхлеющий старик, в конце – «отшельник страстный». Согласно известной пушкинской формуле, «любви все возрасты покорны». Но тут о высоком чувстве не может идти и речи, скорее уж здесь то, что в народе называют «сидина в бороду – бес в ребро». Образ русалки нарисован более рельефно и в целом соотносится с фольклорной традицией. Отношения с ними имеют печальные последствия для живого человека. Сошлемся на классическую работу о русалках: «Заманят русалки игрой бесчисленных огней, увлекут неотразимой силой печальной песни, и он безвозвратно погибнет в болотной трясине или в глубине темных вод. На предсмертные крики его жестокие обитательницы водяного царства будут отвечать алым хохотом» [Зеленин 1995: 160]. Только вот старик-то совсем не похож на «смельчака». Ловкая «сирена» довольно легко, играя, погубила душу старика, вера которого оказалась не так уж и крепка. Поэтому с полным правом русалку можно назвать главной героиней стихотворения.

Иной тип русалки возникает в одном из самых загадочных стихотворений Пушкина. Он написал его в 1826 году при отъезде из Михайловского. Ученые до сих пор спорят об истоках образа этой таинственной водной нимфы-русалки.

В Полном собрании сочинений Пушкина стихотворению даже отказано в праве на самостоятельное существование. Стихотворение рассматривается как ранний монолог Князя. Но вряд ли это верно. Перед нами вполне обособленное произведение со своим лирическим сюжетом и внутренними переживаниями лирического героя. Елена Зингер в книге «Явись возлюбленная тень...» пишет о стихотворении «Как счастлив я...»: «Возможно, с беспокойной памятью об умершей косвенно связаны самые причудливые видения поздней осени 1826 года. Например, “русалка”... Во всяком случае, есть некая лексическая перекличка этого образа со стихами, посвященными Ризнич» [Зингер 1999: 55]. Для Е. Зингер это стихотворение есть автобиографическая маскировка своих чувств к умершей возлюбленной. Точно так же считает и писатель

Григорий Анисимов. Он в своем романе-хронике без тени сомнения и без всяких объяснений относит стихотворение «Как счастлив я...» к памяти об Амалии Ризнич: «Нет, не забыл он своей любви. С того самого дня, 25 июля 1826 года, когда узнал, что Ризнич умерла во Флоренции» [Анисимов 1998: 101].

Однако есть серьезные исследователи, которые полагают, что придавать особое значение в этой связи смерти Амалии Ризнич нет оснований. Во-первых, ряд стихотворений, о которых идет речь, написан до ее смерти; во-вторых, она умерла, когда чувство Пушкина к ней уже угасло; во всяком случае, смерть ее не была для поэта каким-то страшным ударом, трагедией, навсегда оставившей след в его душе и определившей восприятие любовного сюжета как такового. Но самое главное, в этих пушкинском стихотворении звучит вовсе не тоска по живой женщине, ныне умершей, а именно любовь к мертвой, ощущение мертвой как живой. Особый оттенок переживаемого чувства объединяет это стихотворение с другими, где речь идет о живой женщине, отличающейся некоторыми характерными чертами. Образ мертвой возлюбленной включается в общий мотив увядания, болезненности, ущерба [Благой 1931: 201].

В старых пушкиноведческих работах, которые редко включаются ныне в научный оборот, мы можем встретить необычные для современных интерпретаций высказывания о присутствии в творчестве Пушкина «бодлеровских» и даже «некрофильских» настроений. Об этом писали В. Вересаев, Вл. Ходасевич; вероятно, близкие по смыслу наблюдения имел в виду В. Брюсов, намереваясь написать статью «Темное в душе Пушкина» [см.: Муравьева 1991: 17].

Стихотворение удивительно не своим фантастическим сюжетом, а реалистически точным и психологически достоверным воплощением этого сюжета. Этот подбор ласковых слов, эти оттенки ощущений придают немыслимой ситуации эмоциональную убедительность. Противоестественное воспевание любовных ласк как чего-то холодного, охлаждающего находит неожиданную параллель с утолением жажды в жаркий день и получает необыкновенную поэтическую силу. Эта женщина-русалка – живая, но в то же время и мертвая, и она влечет героя именно этой «страшной двойственностью своего существа» [Муравьева 1991: 19].

Стихотворение глубоко лирично и загадочно. Здесь нет трагедии героя, мук его совести, нет ни мести, ни возмездия. Это просто излияния души лирического «Я»: «Как счастлив я...». Каждая строчка пронизана гармонией, умиротворением, одновременно сливающимися с мучительной и необычной страстью.

Поговорим теперь о самом объекте столь сильных чувств. Это какой-то неуловимый призрак, символ женственности. Эстетический идеал «мертвой возлюбленной» у Пушкина оказывается тесно связанным с такими нравственными категориями, как безропотность и покорность [Муравьева 1991: 24].

Русалка у Пушкина не имеет привычного рыбьего хвоста, вместо него «у стройных ног, как пена белых, волны». В фольклоре такое возможно: по одному из описаний XIX в., русалки выглядят как молодые девушки и женщины, которые «ходят голые, без обуви и без покрова на голове» [Зеленин 1995: 156]. И если они ходят, значит, имеют ноги. Эти водные существа обладают свойством перевоплощения. С образом русалки связан мотив луны, характерный для обозначения времени проявления нечистой силы:

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной! [Пушкин 1997: 505]

Ночь, луна являются временем активизации возможностей потусторонних сил. Во многих быличках действие происходит при свете месяца: «Пошел он раз в лес по орехи, да и заблудился, не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево. Задремал и слышит вдруг: кто-то его зовет. Смотрит никого. Он опять задремал, — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовет, а сама помирает со смеху, смеется. А месяц-то светил сильно, все видно. Вот зовет она его, и такая сама вся светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь...» [Тургенев 1979: 94].

У возлюбленной лирического героя стихотворения зеленые волосы. Запись былички из Смоленской губернии свидетельствует, что там водные русалки — девушки с зелеными волосами, глаза их горят страшно, стан стройный и гибкий, лицо бледное. В движениях они проворны и легки, играют, плещутся водой [Померанцева 1975: 70]. А вот как описывает поэт глаза своей русалки:

Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды [Пушкин 1997: 505].

Поэтическое сравнение со звездами опять же отсылает нас к мотиву луны, ночи — миру темных сил. Стоит подчеркнуть еще одну деталь — специфическую бледность в описаниях русалок, а также их телесную холодность и синие уста: «Тело у них светлое как снег; лицо светлое, как восходящая луна...» [Зеленин 1995: 158]. Все это указывает на их принадлежность к миру мертвых, ибо они неживые существа, чаще всего утопленницы-самоубийцы. В хрестоматии «Языческие боги, былинные герои, русские святые» приводится эта версия: «Позднее стали считать,

что это утопленницы и что они особенно опасны для людей в русальную ночь (19-24 июня), перед Иваном Купалой» [Языческие боги, былинные герои, русские святые 2006: 33]. Возлюбленная лирического героя уже мертва еще и потому, что она – фантазия, мираж, мечта; но даже его воображение не может вдохнуть в нее жизнь:

Дыханья нет из уст ее, – но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья [Пушкин 1997: 505].

Эти слова можно трактовать в нескольких смыслах: во-первых, это утопленница; во-вторых, нечисть, проклятая, она не способна достичь вечного блаженства, рая, значит, ее душа мертва; в-третьих, это фантазия, мечта пусть прекрасная, но несуществующая. Вл. Ходасевич писал об этом стихотворении: «Соблазнительное ощущение мертвой как живой, ощущение горькое и сладострастное. Это одно из не самых светлых и безобидных пушкинских чувств, но оно подлинно пушкинское, – грозящее гибелью и сулящее “неизъяснимы наслажденья”» [цит. по: Муравьева 1991: 19]. Ни в одном из произведений Пушкина образ мертвой возлюбленной не был воплощен в таком зримом, чувственно осязаемом облике; «этот образ как бы ушел в подтекст его поэзии, но он мерцает, просвечивает то здесь, то там на протяжении всего пушкинского творчества» [Муравьева 1991: 19].

Русалка столь пленительна для героя, что ради любви к ней он готов расстаться с жизнью:

И в этот миг я рад оставить жизнь –
Хочу стонать и пить ее лобзанье... [Пушкин 1997: 505].

Рождение образа «мертвой возлюбленной» обязано такой особенности художественного мироощущения Пушкина, которую можно было бы назвать «магнетизмом губительного» [Благой 1930: 220]. Образ смерти настойчиво просвечивает через все образы наслаждений. Этот неотвязный женский образ «мертвой возлюбленной» постоянно варьируется в творчестве Пушкина в самых разных воплощениях. Влечение к нему то осмысливается как проявление национального характера, то находит себе литературные параллели в поэзии Сент-Бева, то преломляется в субъективно-психологическом плане. А когда тот же образ приходит в соприкосновение со страстью к «неизъяснимым наслаждениям», которые ждут на краю, на пределе, на границе между жизнью и смертью, – тогда неудержимое поэтическое воображение, легко переходя границы реальности, создает фантастический образ «мертвой возлюбленной», влекущий сильнее и неотвязнее, чем любая земная красота.

Таким образом, несколько экстравагантный и эпатирующий образ

русалки в этих двух лирических произведениях Пушкина не может быть прямо возведен ни к фольклорному архетипу водной девы, ни к его романтическим версиям. Он оказывается тесно связанным с целым комплексом эстетических и психологических особенностей поэтического мироощущения Пушкина. Эти особенности, конечно, не следует абсолютизировать. В необъятном художественном мире Пушкина находилось место самым разным, порой несводимым настроениям и устремлениям. Выделенный нами мотив любви человека к русалке – это один из многих устойчивых поэтических мотивов Пушкина, которые определяют целостность и многообразие его лирического творчества.

Список литературы

- Пушкин А.С.* Русалка / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Сочинения : в 3 т. – Т. 1. – М., 1986. – С. 203-204.
- Пушкин А.С.* Как счастлив я, когда могу покинуть... / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 19 т. – Т. 5. – М., 1997. – С. 505.
- Тургенев И.С.* Бежин луг / И.С. Тургенев // Тургенев И.С. Собр. соч. : в 12 т. – Т. 3. – М., 1979. – С. 86-106.
- Анисимов Г.А.* Что в имени тебе моем? / Г.А. Анисимов. – М. : Мусагет, 1998. – 423 с.
- Благой Д.* Социология творчества Пушкина / Д. Благой. – М. : Мир, 1931. – 320 с.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Д.К. Зеленин. – М. : Индрик, 1995. – 438 с.
- Зингер Е.* «Явись возлюбленной тень...» / Е. Зингер. – М. : Когелет, 1999. – 104 с.
- Муравьева О.С.* Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина / О.С. Муравьева // Временник Пушкинской комиссии. – Л., 1991. – Вып. 24. – С. 17-28.
- Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э.В. Померанцева. – М. : Наука, 1975. – 183 с.
- Языческие боги, былинные герои, русские святые. – М. : Дрофа Плюс, 2006. – 304 с.

ЦИКЛ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ОЧЕРКОВ КСЕНИИ ГОЛГОФСКОЙ «ПО КАВКАЗСКОМУ ЗАПОВЕДНИКУ»

Е.А. Кивилиди

*Научный руководитель: Ф.Б. Бешукова,
доктор филологических наук, профессор (АдГУ)*

Неотъемлемой, важной частью художественно-изобразительных очерков являются художественные образы. Образ – одно из основных понятий литературы. «Художественный образ – одно из средств познания и изменения мира, синтетическая форма отражения и выражения чувств, мыслей, стремлений, эстетических эмоций художника» [Тимофеев, Тураев 1974: 241].